

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Объект авторского права

УДК 811'42:003.071:821.161.3-32:821.111-32.

ЗАХАРОВА

Марина Сергеевна

**ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭПИГРАФА В БЕЛОРУССКИХ И
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОРОТКИХ РАССКАЗАХ**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальностям 10.01.01 – белорусская литература,
10.01.08 – теория литературы. Текстология

Минск, 2023

Научная работа выполнена в учреждении образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Научный руководитель:

Штейнер Иван Федорович,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой белорусской литературы
УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Официальные оппоненты:

Городницкий Евгений Андреевич,

доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела теории
и истории литературы филиала «Институт
литературоведения имени Янки Купалы»
ГНУ «Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы Национальной
академии наук Беларуси»

Тарасова Тамара Николаевна,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры белорусской и зарубежной
литературы УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима
Танка»

Оппонирующая организация:

**УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»**

Защита состоится «22» марта 2023 г. в 14:30 на заседании совета по защите диссертаций Д 01.42.04 при ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: inlinasbel@tut.by; тел.: (017) 270-18-85).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 15).

Автореферат разослан «6» февраля 2023 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций
кандидат филологических наук

Е. И. Богдан

ВВЕДЕНИЕ

Художественный текст является объектом изучения для многих поколений литературоведов, выработавших устойчивые критерии всестороннего исследования проблемы. Диалогическая концепция М. М. Бахтина и теория интертекстуальности кардинально меняют устоявшиеся принципы изучения базисной основы художественного произведения. В результате возникают новые направления исследований как самого текста в целом, так и его значимых составляющих, к числу которых относится и эпиграф, до последнего времени практически не попадавший в поле зрения отечественных теоретиков литературы.

В настоящее время исследования эпиграфа проводятся по многим направлениям на материале разноязычных текстов разной жанровой принадлежности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью признания эпиграфа художественного текста в качестве самостоятельного предмета изучения; проведения комплексных исследований функциональных свойств эпиграфа в контексте различных литератур и жанров; создания теории генезиса и эволюции эпиграфа в национальной литературе; определения перспектив формы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами

Диссертационная работа выполнена на кафедре белорусской литературы учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в рамках госбюджетной научно-исследовательской темы: ГБ 21-10 «Мастацкія мадэлі свету беларускай літаратуры XX – пач. XXI ст.ст.: аўтарскія стратэгіі, жанравая сістэма».

Цель и задачи исследования

Цель исследования – установить функции эпиграфа (паратекста) и способы их репрезентации в коротких рассказах белорусских и англоязычных писателей.

Данная цель определяет следующие **задачи исследования**:

- 1) разработать схему анализа функционального потенциала эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах;
- 2) выделить межсубъектные функции эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах;
- 3) определить внутритекстовые функции эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах;
- 4) установить внетекстовые функции эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах;

5) выявить средства и способы репрезентации полифункциональности эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах.

Объектом исследования является эпиграф художественного текста.

В качестве **предмета исследования** выступают функциональные характеристики эпиграфа в белорусском и англоязычном коротком рассказе. Материалом исследования являются короткие рассказы белорусских и англоязычных писателей XIX – нач. XXI в.в., отобранные методом сплошной выборки, объем которой составляет 135 коротких рассказов (58 авторов, 162 эпиграфа), из которых на малую белорусскую прозу приходится 69 коротких рассказов (29 авторов, 83 эпиграфа), а на англоязычную короткую прозу – 66 коротких рассказов (29 авторов, 79 эпиграфов). Общий объем фактического материала – свыше 1500 печатных страниц.

В диссертационной работе используется комплексный подход к исследованию эпиграфа, включающий описательный, структурный, сравнительно-сопоставительный, герменевтико-интерпретационный методы и метод интертекстуального анализа.

Научная новизна обусловлена тем, что в диссертационном исследовании впервые:

- 1) разработана трехступенчатая схема анализа эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах с учетом его полифункциональных признаков;
- 2) разграничены межсубъектные функции эпиграфа, соотносимые с автором произведения и читателем как субъектами художественной коммуникации;
- 3) выявлены внутритекстовые функции, связанные с характером отношений эпиграфа с заглавием и корпусом текста произведения как основными элементами внутренней структуры художественного произведения;
- 4) выделены внетекстовые функции, основанные на интертекстуальных свойствах эпиграфа и отражающие функциональное взаимодействие эпиграфа с источником цитирования;
- 5) определена и классифицирована номенклатура средств репрезентации функциональных особенностей эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах.

Положения, выносимые на защиту

1) Эпиграф как паратекст является частью структуры произведения, характеризующейся относительной структурно-содержательной завершенностью и полифункциональностью, которая проявляется в его способности выполнять в произведении ряд функций (межсубъектных, внутритекстовых и внетекстовых), выступая средством выражения художественной стратегии и авторского замысла писателя.

2) *Межсубъектные функции* эпиграфа включают функции, реализуемые эпиграфом в системе «автор произведения – эпиграф – читатель», или функции,

выполняемые эпитафией по отношению к читателю и автору произведения как участникам процесса художественной коммуникации. Основными *функциями эпитафии по отношению к читателю* в белорусских и англоязычных коротких рассказах являются *фатическая* (направленная на установление и поддержание контакта с читателем) и *конативная* (связанная со способностью эпитафии оказывать воздействие на читателя), а *по отношению к автору произведения* – *эмотивная* (ориентированная на раскрытие чувств и эмоций автора произведения) и *поэтическая* (соотносимая со способностью эпитафии отражать литературные предпочтения автора и привносить в произведение дополнительный эстетический заряд).

3) *Внутритекстовые функции эпитафии* объединяют функции, выполняемые эпитафией в системах «эпитафия – заглавие» и «эпитафия – текст произведения», или функции, реализуемые эпитафией по отношению к заглавию и корпусу текста. Ключевой внутритекстовой функцией эпитафии в белорусской и англоязычной малой прозе выступает *информативная* (отождествляемая со способностью эпитафии сообщать разного рода информацию как о заглавии, так и предваряемом им тексте произведения), которая подразделяется на ряд частных функций, таких как *функция уточнения и конкретизации заглавия* (в случае функционального взаимодействия эпитафии и заглавия), *функции обозначения темы/основной идеи произведения, акцентирования внимания на наиболее значимой сюжетной линии произведения, создания определенной тональности восприятия произведения, выделения ключевого слова или набора ключевых слов* (в случае функционального взаимодействия эпитафии и предваряемого им текста произведения).

4) *Внетекстовые функции эпитафии* соотносятся с выявлением функций эпитафии в системе «эпитафия – источник цитирования эпитафии» или функциями эпитафии по отношению к тексту-источнику. Главной функцией эпитафии по отношению к тексту, из которого происходит заимствование, в исследуемых примерах признается *интертекстуальная функция*, проявляющаяся в способности эпитафии осуществлять отсылку к исходному тексту и позволяющая посредством изучения сопровождающих эпитафию отсылок установить основные группы текст-источников в рассматриваемых коротких рассказах (произведения художественной литературы, фольклорные источники, без отсылки к источнику эпитафии, вымышленные и ложные источники, библейско-религиозные источники, не идентифицированные источники, другие источники).

5) Фатическая, конативная, эмотивная, поэтическая, информативная и интертекстуальная функции эпитафии в белорусской и англоязычной малой прозе реализуются определенным набором средств выражения.

Средствами репрезентации *фатической и конативной функций* эпитафии в белорусских и англоязычных коротких рассказах являются «*фатические средства*» (вопросительные конструкции, формы обращения к читателю, личные и

притяжательные местоимения), *графические средства* (шрифтовое выделение, заглавные буквы), а также другие способы и приемы, направленные на привлечение внимания, установление контакта и оказание воздействия на читателя.

Эмотивная и поэтическая функции эпиграфа в исследуемых коротких рассказах реализуются посредством использования лексических (*эпитеты, эмоционально-экспрессивная и эмоционально-оценочная лексика*), фонологических (*аллитерация/ассонанс, ритмизация и рифмизация*) и синтаксических (*параллелизм, восклицательные конструкции*) языковых средств, характеризующихся повышенной выразительностью и экспрессивностью и используемых для выражения отношения автора произведения к описываемой ситуации.

Основным эксплицитным средством репрезентации *информативной функции* в коротких рассказах белорусских и англоязычных писателей признаются *ключевые лексемы*, а имплицитным – *пресуппозиция и импликация*.

Формальным средством выражения *интертекстуальной функции* эпиграфа выступает отсылочный аппарат или отсылка.

Личный вклад соискателя ученой степени в результаты диссертации

Положения и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, получены автором самостоятельно и являются результатом анализа большого фактического материала. Публикации по теме диссертации выполнены без соавторства.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Результаты диссертационного исследования и положения диссертации были представлены в докладах на следующих международных и республиканских научно-практических конференциях: Международной научной конференции «Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы» (Минск, 20–21 марта 2008); VIII Международной научно-практической конференции «Личность – Слово – Социум» (Минск, 28–29 апреля 2008); Международной научно-практической конференции «Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания» (Мозырь, 12–13 ноября 2008); Республиканской научной конференции «Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков» (Гомель, 23 октября 2009); Международной научной конференции «Язык – когниция – коммуникация» (Минск, 3–6 ноября 2010); VII Міжнародных навуковых чытаннях, прысвечаных памяці народнага пісьменніка Беларусі, акадэміка І. Я. Навуменкі «Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах» (Гомель, 8–9 кастрычніка 2020); XIII Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нараджэння члена-карэспандэнта НАН Беларусі, прафесара А. А. Лойкі «Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай» (Мінск, 28–29 кастрычніка 2021).

Опубликованность результатов диссертации

Основные выводы и выносимые на защиту положения нашли отражение в 25 публикациях, из которых 8 – статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК (2,9 авт. л.), 10 – статьи в научных сборниках (2,4 авт. л.) и 7 – материалы и тезисы докладов конференций (1,4 авт. л.). Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 6,7 авт. л.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, списка использованных источников (205 наименований, из которых библиографический список составляет 180 наименований, список публикаций соискателя ученой степени – 25 наименований), приложения. Полный объем исследования составляет 121 страницу, из которых основной текст – 97 страниц, список использованных источников и приложение – 24 страницы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1 «**Теоретические аспекты изучения эпитафа художественного текста**» посвящена аналитическому обзору научной литературы по вопросам изучения эпитафа художественного текста, определению понятия «эпитаф» (раздел 1.1), описанию направлений исследований и современного состояния проблемы (раздел 1.2).

В настоящее время изучение литературного эпитафа осуществляется с позиций теории интертекстуальности, а проблематика исследований включает изучение присущих эпитафу структурных, семантических и функциональных характеристик.

Результатом исследования структурных признаков эпитафа является наличие многочисленных структурных классификаций, отображающих изучение эпитафа по различным критериям: позиция в композиционной структуре произведения, принадлежность к одному/разным языкам, ритмическая организация, формально-грамматическая структура, степень структурной полноты, формальная связь с источником цитирования.

Основные направления семантических исследований эпитафа включают изучение характера отношений между эпитафом и текстом произведения, выявление типов семантической связи между ними и средств их реализации.

В отношении функциональных характеристик общепринятым является положение о полифункциональной природе эпитафа, однако отмечается отсутствие исследований комплексного характера, позволяющих разносторонне описать функциональное своеобразие данного феномена.

В рамках проводимого исследования эпитаф трактуется как *паратекст*, что предполагает рассмотрение эпитафа как части структуры произведения,

характеризующейся относительной структурно-содержательной завершенностью и полифункциональностью. Для изучения функциональных свойств эпиграфа применяется трехступенчатая схема анализа, предусматривающая деление реализуемых эпиграфом функций на межсубъектные, внутритекстовые и внетекстовые.

В главе 2 «**Межсубъектные функции эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах**» исследуются функции эпиграфа, ориентированные на читательское восприятие (раздел 2.1) и функции эпиграфа, ассоциируемые с автором произведения (раздел 2.2).

Функциями эпиграфа по отношению к читателю признаются *фатическая и конативная*, при этом *фатическая функция* соотносится со способностью эпиграфа привлекать внимание и выступать средством установления и поддержания контакта между автором произведения и читателем, а *конативная* – со способностью оказывать воздействие на читателя.

Средства репрезентации *фатической функции* эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах разделяются на средства и приемы, обозначающие момент установления контакта между автором произведения и читателем, выражающие характер устанавливаемых отношений между ними, привлекающие и акцентирующие внимание читателя на эпиграфе.

Средствами контактоустановления в рассматриваемых примерах являются вопросительные конструкции и различные формы обращения к читателю. Например, эпиграф к рассказу Р. Силверберга «Море лиц» представляет собой вопрос: «*Are not such floating fragments on the sea of the unconscious called Freudian ships?*» («Не эти ли фрагменты, дрейфующие в море бессознательного, называются фрейдистскими кораблями?»), начинающий взаимодействие между автором и читателем, приглашая читателя к совместному размышлению на тему бессознательного и поиску ответа на поставленный вопрос.

Рассказ А. Асташонка «Пошасны час» предваряет четверостишие: «*І кніжная навукa, і замежныя раманы // Агорклі мне. // Браце, я жыць спяшаўся, я пачуццямі // Падганяў сябе – я стаміўся*». Эпиграф, четко обозначающий какая напасть упоминается в заглавии (*я стаміўся*), прерывается обращением (*Браце*), которое обозначает момент установления контакта между автором произведения и читателем, превращая читателя из пассивного наблюдателя в вовлеченного собеседника.

Средствами выражения характера взаимоотношений между автором произведения и читателем выступают личные и притяжательные местоимения с обобщающим значением, подчеркивающие их общность и единство. Рассказ Г. Далидовича «Асенняе лета» открывает эпиграф: «*Мы многа пішам пра вайну і боль, // А пра каханне – час ад часу толькі*», в котором обобщающее *мы* используется для создания общего пространства взаимодействия и позволяет

объединить в рамках одной коммуникативной ситуации и автора, и читателя, и писательскую аудиторию, к которой причисляет себя и апеллирует автор произведения.

К средствам и приемам привлечения внимания читателя относятся различные графические средства и прием использования разноязычных эпитафий (приведенных на языке, отличном от языка текста произведения). Эпитафия к рассказу Э. По «Морелла» представляет собой изречение древнегреческого философа Платона на языке оригинала с дублированием на английском языке: «*Itself, by itself solely, ONE everlastingly, and single*» («Собой, только собой, в своем вечном единстве»). Конвергенция средств и приемов, включающих введение разноязычного эпитафия с сопровождающим переводом на английский язык, шрифтовое выделение (*курсив, подчеркивание*) и выделение заглавными буквами (*ONE*) усиливает эффект от их совместного использования, способствуя акцентированию внимания читателя на эпитафии и снижая вероятность игнорирования подобного эпитафия читателем.

Конативная функция эпитафия реализуется в репрезентативном материале посредством побудительных конструкций, как в эпитафии к рассказу Р. Киплинга «Свинья»: «*Go, stalk the red deer o'er the heather, // Ride, follow the fox if you can! // But, for the pleasure and profit together, // Allow me the hunting of Man, – // The chase of the Human, the search for the Soul // To its ruin, – the hunting of Man*» («*Гони, преследуй* оленя в глуши, // *Беги, травь* лису, если ты не калека! // Но ради трофея и для души, // *Позволь* мне охоту на Человека, // Травить и загнать его душу в капкан – // Вот в чем смысл охоты на Человека»). Каскад из пяти повелительных конструкций (*гони, преследуй, беги, травь, позволь*) придает особое звучание эпитафии, который воспринимается как обращение к читателю, призыв присоединиться к миру описываемых событий и стать их непосредственным участником.

Функциями эпитафия по отношению к автору произведения признаются *эмотивная* и *поэтическая*, при этом *эмотивная функция* соотносится со способностью эпитафия выражать чувства и эмоции автора произведения и его отношение к описываемым событиям, а *поэтическая* – со способностью привносить в произведение дополнительный эстетический заряд и выступать средством выражения литературных вкусов и предпочтений автора.

Эмотивная функция реализуется в фактическом материале преимущественно поэтическими эпитафиями, обладающими, по сравнению с прозаическими, большим функциональным потенциалом, что достигается за счет использования разноуровневых языковых средств (фонологических, лексических, синтаксических), которые характеризуются повышенной выразительностью и экспрессивностью и варьируются по количеству и комбинаторике в каждом конкретном случае употребления эпитафия.

Поэтический эпиграф, принадлежащий перу английского поэта Д. Томпсона, открывает рассказ В. Ирвинга «Легенда Сонной лощины»: «*A pleasing land of drowsy head it was, // Of dreams that wave before the half-shut eye; // And of gay castles in the clouds that pass, // Forever flushing round a summer sky*» («Был это дивный край ленивых грез, // Видений, что плывут пред сонным взором, // Веселых замков в облачных грядках, // Парящих в синеве просторов»). Эпитеты (*pleasing, drowsy, half-shut, gay*) в сочетании с каскадами аллитераций (*pleasing – land, drowsy – dreams, castles – clouds, summer – sky*) повышают выразительность описания, придавая эпиграфу особую музыкальность и мелодичность и развивая начатое в заглавии и продолженное эпиграфом воссоздание приятной (*pleasing*), навевающей дремоту (*drowsy*), далекой от реальности подобно веселым замкам в облаках (*gay castles in the clouds*) атмосферы Сонной лощины.

Поэтические строки, заимствованные из белорусской народной песни, предваряют рассказ Я. Коласа «Зіма»: «*Эх ты, зімэнька-зіма! // Непagodная была: // Ні праехаць, ні прайці, // Ні коніка правесці!*». Восклицательные конструкции в комбинации с междометием (*Эх ты!*), обращение к зиме (*зімэнька-зіма*), усиленное эмоционально-оценочным суффиксом (*-эньк-*), синтаксический параллелизм, задающий четкий ритмический рисунок повествованию (*Ні праехаць, ні прайці, ні коніка правесці!*), передают состояние сильного эмоционального подъема и используются для создания атмосферы всеобщей радости, счастья и веселья, связанной с приходом зимы.

Способностью передавать определенные эмоции и выражать отношение автора произведения к тому, о чем повествует эпиграф, характеризуются оценочные эпиграфы, примером которых является эпиграф к рассказу К. Крапивы «Чаго ж яна «Рада»?»: «*У Мінску нямецкія акупанты стварылі так званую «Цэнтральную раду» на чале з заядлым фашыстам-памешчыкам Радаславам Астроўскім, якога яны прывезлі з сабой. Фашыцкія разбойнікі думаюць, што рукамі сваіх халуёў ім зручней будзе душыць беларускі народ*». Аккумуляция в эпиграфе ряда лексем с отрицательным коннотативным значением (*нямецкія акупанты, фашыстам-памешчыкам, фашыцкія разбойнікі, халуі, душиць беларускі народ*) подчеркивает четкую позицию автора произведения по обозначенному вопросу, характеризует действующих лиц и закладывает определенную тональность прочтения произведения в заданном автором ключе.

Реализация эпиграфами *поэтической функции* проявляется в полной мере при изучении не единичных эпиграфов, а системы эпиграфов в творчестве определенного автора, что позволяет читателю сформировать представление о литературных вкусах и предпочтениях автора и определить наиболее значимые и авторитетные тексты-источники, приобретающие в рамках его литературной деятельности статус прецедентных.

С понятием прецедентного текста соотносится и способность эпитафия приносить в произведение дополнительный эстетический заряд, оказывая эстетическое воздействие на читателя.

Глава 3 «**Внутритекстовые функции эпитафия в белорусских и англоязычных коротких рассказах**» посвящена изучению функционального взаимодействия эпитафия с заглавием (раздел 3.1) и текстом произведения (раздел 3.2), с которыми эпитафия образует единые функционально-семантические комплексы.

Основной внутритекстовой функцией эпитафия в исследовании признается *информативная*, связанная со способностью эпитафия сообщать разного рода информацию о заглавии и предваряемом им тексте. Наиболее распространенным вариантом **функционального взаимодействия эпитафия и заглавия** в белорусских и англоязычных коротких рассказах являются примеры, в которых эпитафия реализует информативную функцию, *выступая контекстом для пояснения, дополнения и конкретизации заглавия*.

Семантическое взаимодействие эпитафия и заглавия получает как эксплицитное (характеризуется повтором лексем из заглавия в эпитафии), так и имплицитное выражение (характеризуется отсутствием лексем из заглавия в эпитафии), а в зависимости от типа семантической связи в системе «эпитафия – заглавие» рассматриваемые примеры разделяются на несколько функционально-семантических групп.

Самую многочисленную функционально-семантическую группу составляют рассказы, в которых семантическая связь эпитафия и заглавия получает эксплицитное выражение и реализуется посредством различных видов лексико-семантических повторов. Например, рассказу В. Быкова «Незагойная рана» предшествует эпитафия: «*Мінаюць часіны – знікаюць руіны, // Злятаюць з палёў зруганы. // І толькі ў сэрцах баляць, не сціхаюць // Незагойныя раны вайны*». Эпитафия не только уточняет, какие незаживающие раны упоминаются в заглавии (*раны вайны, якія баляць, не сціхаюць, незалежна ад таго, колькі часу прайшло*), но и указывает на метафорическое употребление заглавного словосочетания *незагойная рана*. Средством выражения эксплицитной семантической связи является модифицированный лексико-семантический повтор.

Вторую функционально-семантическую группу составляют случаи, в которых семантическая связь эпитафия с заглавием носит имплицитный характер и реализуется посредством текстовых пресуппозиций и импликаций. Приведем в качестве примера эпитафия-пословицу к рассказу И. Пташникова «Браканьер»: «*З вады сухому не выйсці*». Понимание значений лексемы *браканьер* и пословицы позволяет установить факт наличия семантической связи между заглавием и эпитафией, связать их в единое смысловое целое и построить необходимое умозаключение, гласящее, что если ты – браконьер, то избежать наказания

за содеянное не получится. Семантическая связь в рассматриваемом примере строится на основе текстовой импликации.

Строчки из народной песни открывают рассказ З. Бядули «На Сёмуху»: «*Пайдзем, дзеванькі, // На лугі-лужочки // Завіваць вяночкі*». Установление семантической связи между эпитафией и заглавием в данном случае возможно только при наличии у читателя фоновых знаний, обеспечивающих понимание того, что Сёмуха – это православный праздник, который ассоциируется с обрядом плетения венков и предсказанием по ним будущего. В противном случае существует вероятность, что семантическая связь в системе «эпитафия – заглавие» останется не раскрытой. Формой реализации семантической связи в рассматриваемом примере является пресуппозиция.

Третью группу составляют примеры, иллюстрирующие случаи смешанного типа семантической связи (сочетающей имплицитный и эксплицитный типы).

Функциональные отношения эпитафии и текста произведения в белорусских и англоязычных коротких рассказах отличаются разнообразием, приводя к выделению в рамках информативной функции ряда частных функций и разделению репрезентативного материала на функционально-семантические группы в зависимости от характера вводимой эпитафией информации.

Семантические отношения эпитафии с корпусом текста получают в большинстве рассмотренных примеров эксплицитное выражение и реализуются ключевыми лексемами, которые характеризуются высокой частотой повтора и сквозным употреблением в тексте произведения и способны выразить в предельно сжатой форме смысловую доминанту текста.

Наиболее представленную функционально-семантическую группу составляют примеры, в которых эпитафия *обозначает тему, получающую дальнейшее развитие в тексте произведения*, как в рассказе А. Бирса «Человек и змея», который открывает эпитафия: «*It is of veriatabyll report, and attested of so many that there be nowe of wyse and learned none to gaynsaye it, that ye serpent hys eye hath a magnetic propertie that whose falleth into its suasion is drawn forwards in despite of his wille, and perisheth miserabyll by ye creature hys bite*» («Доподлинно известно и подтверждено многими доказательствами, которые не станут оспаривать ни мудрецы, ни мужи науки, что змеиному глазу присущ магнетизм, и тот, кто помимо своей воли испытывает на себе его волшебные чары, погибает жалкою смертью от укуса этого гада»).

Сюжет рассказа заключается в том, что один из героев рассказа, находясь в гостях у профессора, занимающегося разведением и изучением змей, обнаруживает в своей комнате змею (*The coils of a large serpent <...>*), ее взгляд излучает что-то зловещее (*They looked into his own with a meaning, a malign significance <...>*), он хотел бы нажать на кнопку звонка и позвать на помощь

(*His first thought was to ring the call bell <...>*), но почему-то этого не делает (*He made no movements toward it <...>*).

В каждом дальнейшем эпизоде подчеркивается мысль, что герой рассказа находится в плену горящих, как солнце (*Its eyes were two dazzling suns <...>*), похожих на разноцветные яркие кольца (*Enlarging rings of rich and vivid colours <...>*), зловещих глаз змеи (*Those baleful eyes <...>*). Герой пытается убежать от змеи (*Brayton lifted his right foot on the floor to step backward <...>*), но с каждым движением только приближается к ней (*Every movement left him nearer to the snake <...>*) и, в конце концов, оказывается укушенным (*He could not think how that occurred <...>*).

Полные повторы лексемы *serpent* («змея») в сочетании с эпитетами «огромная» и «громадная» (*The coils of a large serpent <...>*; *In the middle distance a vast serpent <...>*), многочисленные замены лексемы синонимами «змей», «рептилия», «существо» (*A snake in the bedroom <...>*; *The reptile was of a species with which Brayton was unfamiliar <...>*; *If not dangerous the creature was at least offensive <...>*) и перифразами «эта частичка дикой природы джунглей» и «монстр» (*He had not fitted the place for this bit of the savage life of the jungle <...>*; *Should the monster follow <...>*) используются для детального описания устрашающего великолепия питомца профессора.

Частотность контекстов повторения лексемы *eye* («глаз», «взгляд») во всех красках позволяет описать светящиеся (*The points of light were its eyes! <...>*), излучающие искрящиеся потоки электрических разрядов (*Its eyes were electric sparks, radiating an infinity of luminous needles <...>*), горящие безжалостной ненавистью (*The snake's eyes burned with a more pitiless malevolence <...>*), манящие в западню (*The eyes were no longer merely luminous points <...> and was again in bondage <...>*) глаза змеи и обеспечивает развитие сюжета в направлении, заданном эпиграфом, – взгляд змеи обладает некой силой, парализующей и заставляющей жертву идти навстречу своей гибели.

Неожиданным на фоне ярких описаний магической силы взгляда змеи выглядит развязка, в которой зловещая и могущественная змея-убийца оказывается чучелом с пуговицами вместо глаз (*It was a stuffed snake; its eyes were two shoe buttons <...>*). Сочетание лексемы *snake* («змея») с эпитетом *stuffed* («набитый», «не настоящий») ставит под сомнение серьезность описываемых в тексте событий, заставляет переосмыслить эпиграф и весь рассказ в целом, наполняя его ироническим содержанием.

Ко второй функционально-семантической группе относятся примеры, в которых эпиграфы представляют собой законченные по смыслу образования (пословицы, поговорки, афоризмы, сентенции) и четко формулируют основную идею текста произведения. Например, эпиграфом к рассказу Р. Киплинга «Дрей Вора Йо Ди» выступает библейское изречение: «*For jealousy is the rage of a man:*

therefore he will not spare in the day of vengeance» («Потому что ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения»).

Текст произведения повествует об измене в одной индийской семье, в результате которой обманутый муж лишает жизни свою неверную жену и, одержимый ревностью и гневом, посвящает себя поискам избежавшего расплаты соперника и обидчика. В поисках своего заклятого врага, он неустанно идет по его следу (*I went to Ghor <...>; I followed to Peshawur <...>; From Shahpur I skirted by Jhelum <...>; Thence went to Fazilka <...>*), но каждый раз обидчику удается ускользнуть. Лишенный покоя и сна (*My sleep was taken from me utterly <...>*), не испытывая страха ни перед Богом, ни перед Дьяволом, ни перед людьми (*He fears neither God nor Man nor Devil <...>*), главный герой одержим единственным желанием – жадой мести (*From Nowshera my guide was the Voice and the lust of vengeance <...>*).

Эта пожирающая его изнутри сила настолько велика (*The vehemence of the desire that has eaten me up <...>*), что он готов стучать во все врата Ада и Рая (*I would splinter the gates of Paradise or I would cut my way into Hell <...>*) только для того, чтобы заполучить тело своего врага (*I would call for the body of Daoud Shan <...>*). И только смерть обидчика, неизбежная (*I know that the end is near <...>*) и неотвратимая (*I will overtake him! <...>*), смоет позор (*And my Honour is made clean <...>*), вернет потерянный сон (*I shall sleep; and no dream shall trouble me <...>*).

Многократный сквозной повтор лексемы *vengeance* («месть», «отмщение», «возмездие») из эпиграфа в корпусе текста связывает воедино разбросанные по тексту реплики главного героя и обеспечивает развитие событий рассказа в направлении, обозначенном эпиграфом. Не находя прямого выражения в тексте произведения, основная мысль выносится в эпиграф, в котором лаконично формулируется в утверждении о том, что если мстью человека движет ревность, то час отмщения неизбежен.

Третью функционально-семантическую группу составляют примеры, в которых эпиграфы (преимущественно поэтические) задают определенную тональность прочтения и восприятия произведения. В качестве эпиграфа к рассказу Т. Маламы «А памятаеш?..» выступает лирическое четверостишие Е. Янищиц: «*Нічого не вяртаецца назад, // Ні гэты дзень, ні гэты міг, – я знаю. // Ты адыходзіш ціха ў снегапад, // А я люблю вясну. Я пачакаю...*».

Смысл эпиграфа сводится к утверждению о том, что все имеет свойство заканчиваться, что ничего вернуть нельзя, что кто-то из двух близких и дорогих друг другу людей уходит, а кому-то остается только ждать. Поэтическая форма эпиграфа с присущей ей лиричностью и мелодичностью звучания подчеркивает нотки сентиментальной грусти и некой безысходности, навеваемой эпиграфом, задавая тон и настроение всему произведению.

Первая половина текста произведения диссонирует с эпиграфом как в содержательном, так и в эмоциональном плане. Прогулки под дождем (*Памятаеш? Мы, узяўшыся за рукі, хадзілі босыя пад дажджом <...>*), походы в кино под дождем (*А памятаеш? Ішоў дождж і мы пайшлі ў кіно <...>*), поездки на трамвае под дождем (*А яшчэ памятаеш? Ішоў дождж. Мокрыя, мы дабеглі да трамвайнага прыпынку <...>*), разговоры до утра в беседке под дождем (*А памятаеш нашу альтанку? Раннімі восеньскімі вечарамі мы чыталі там <...> і падоўгу размаўлялі <...>*), поцелуи и нежные объятия под дождем (*У нас быў адзін парасон, схаваньшыся пад ім удваіх, мы цалаваліся <...>*) и т.д.

Эпизоды, всплывающие в памяти героини, складываются в красивую историю любви, счастливую и беззаботную (*Мы стаялі ў лужыне і проста смяліся <...>*; *Мы сядзелі з мокрымі нагамі і радаваліся <...>*; *Я думала, што я самая шчаслівая <...>*), полную надежд и планов на совместное будущее (*Ты яшчэ сказаў, што ў нас будзе сын <...>*). И даже дождь служит не просто фоном для развития событий и раскрытия чувств героини, а становится полноценным героем рассказа. Веселый, теплый, ласковый и нежный, он – друг и союзник, который охраняет и оберегает влюбленных от посторонних глаз (*Вясёлы <...>, цёплы <...>, пяшчотны <...>, ён быў нашым саюзнікам, хаваючы нас од астатніх людзей <...>*).

По мере развития сюжета воспоминания героини становятся менее радостными, а развязка отношений оказывается неожиданной: героиня остается одна, а вокруг – одиночество, пустота и дождь (*Вакол мяне нікога няма, акрамя дажджу. Я адна <...>*). И дождь уже не прежний преданный друг, он – монотонный, нудный, бессмысленный, безнадежный и абсолютно чужой (*Бессэнсоўны <...>, безвыхадны <...>, бескаляровы <...>, безнадзейны <...>, манатонны <...>, дробны <...>, гнятлівы <...>, нібы сцяна, аддзяляючы адно ад аднаго <...>*).

Тройной повтор лексемы *чакаю* в тексте носит сквозной характер, но аккумулируется к концу текста, а контексты повторения обозначенной лексемы позволяют выделить смысловую доминанту текста: *«Мне здавалася, што я буду чакаць цябе вечно <...>; Я не ведала, колькі мне трэба чакаць, але была ўпэўненая, што ты прыдзеш <...>; Я стамілася слухаць дождж, і я ўсё яшчэ цябе чакаю <...>»*.

Кульминацией рассказа является последнее предложение в тексте (*Я стамілася слухаць дождж, і я ўсё яшчэ цябе чакаю <...>*), которое отделено графически от основного текста, но в то же время оказывается созвучным с последней строкой эпиграфа (*Я пачакаю...*): все прошло, ничего вернуть нельзя, но все равно остается слабый лучик надежды, нужно только подождать. Построенное на повторе взаимодействие эпиграфа с концовкой текста образует рамку произведения, которая подводит черту описываемым в тексте событиям,

возвращая к эпиграфу, выступающему камертоном и задающему тональность восприятия предваряемого им текста.

Помимо обозначенных, к частным функциям эпиграфа в работе относятся функции, связанные со способностью эпиграфа *вводить в произведение дополнительную сюжетную линию или акцентировать внимание на наиболее значимой сюжетной линии*, а также *задавать ключевое слово или набор ключевых слов*.

В главе 4 **«Внетекстовые функции эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах»** рассматривается характер отношений эпиграфа с текстом-источником (раздел 4.1) и выявляются основные группы источников происхождения эпиграфов в белорусской и англоязычной малой прозе (раздел 4.2).

Особенностью функционирования эпиграфа является сохранение «генетической связи» с исходным текстом, а способность эпиграфа осуществлять отсылку к данному внешнему контексту отождествляется с реализацией им *интертекстуальной функции*, признаваемой основной внетекстовой функцией эпиграфа в рамках проводимого исследования.

Интертекстуальная функция эпиграфа в большей степени реализуется метонимическими эпиграфами, зависимыми от текста-источника и предполагающими обращение к нему для их полного раскрытия и понимания. Подобный метонимический эпиграф-цитата из «Божественной комедии» Данте Алигьери предваряет рассказ Б. Петровича «Удол, альбо актава пазнання»: *«Я і душа пад ношаю цяжкою // Ступалі побач, як валы ў ярме... – Дантэ «Боская камедыя» – Чыснец»*.

Рассказ повествует о том, как, приехав на экскурсию в музей книгопечатания, главный герой совершает путешествие во времени и пространстве по лабиринту, преодолевая различные препятствия на своем пути и пытаясь найти выход. И только оставаясь верным себе, непреклонно следуя к своей конечной цели (*Вярнуцца назад, у тое жыццё, з якога ён патрапіў сюды <...>*), невзирая на все трудности и препятствия, ему удастся вырваться из лабиринта.

Введение в произведение эпиграфа с подробной отсылкой к творению Данте оказывается особо значимым в данном контексте, а сопоставление с поэмой порождает цепь ассоциаций и параллелей. Обращение к тексту-источнику помогает понять, что путешествие героя по лабиринту (подобно восхождению на гору Чистилище в поэме) представляет собой процесс перерождения и очищения, что октава (подобно горе в поэме) является символом самопознания, что преодолеваемые Стахом препятствия (по количеству и характеру соответствующие семи смертным грехам, упоминаемым в поэме) олицетворяют искушения, проверяющие силу воли и духа героя.

Отсылка к исходному тексту позволяет не только провести параллели на уровне композиции, сюжета, символов, персонажей двух произведений, но и выявить расхождения, а также подчеркивает функциональную значимость эпиграфа, начинающего процесс индукции смыслов, приводящий к смысловому наполнению и обогащению рассказа, возникающему в результате сопоставления с текстом-источником.

В рамках изучения интертекстуальных характеристик эпиграфа в настоящем исследовании выявляются *типы отсылок*, выступающие формальными показателями связи эпиграфа с текстом-источником, и *группы источников цитирования эпиграфов* в белорусских и англоязычных коротких рассказах.

Большинство рассмотренных эпиграфов характеризуется наличием отсылки к исходному тексту (79,6%), которая может представлять собой упоминание автора эпиграфа (35%), исходного текста (34,6%) или их одновременное упоминание (10%). Отдельную группу составляют эпиграфы, не имеющие выраженной формальной связи с текстом-источником (20,4%), большая часть из которых приходится на субтекстовые эпиграфы.

Основными источниками заимствования эпиграфов в белорусских и англоязычных коротких рассказах являются: 1) произведения художественной литературы – 37% (предшественники и современники – 27,1%, мировая классика и зарубежная литература – 5,6%, философские источники – 4,3%); 2) фольклорные источники – 25,3% (поговорки, приметы – 11,1%, античная мифология – 8,0%, народные песенные источники – 4,3%, другие фольклорные формы – 1,9%); 3) без отсылки к источнику эпиграфа – 20,4% (из которых субтекстовые – 12,3%); 4) вымышленные и ложные источники – 5,5%; 5) библейско-религиозные источники – 4,4%; 6) не идентифицированные источники – 4,3%; 7) другие источники – 3,1%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1) Диалогическая концепция М. М. Бахтина и возникшая на ее основе теория интертекстуальности Ю. Кристевой изменили подход к анализу художественного текста, обозначив новые направления в филологических исследованиях художественного текста и его составных элементов, «чужих голосов» (в терминах диалогической концепции) или «включений» (в терминах теории интертекстуальности).

С обозначенными концепциями связано определение эпиграфа как «чужого слова», элемента диалогического построения, компонента авторского диалога/комментария, интертекстуального элемента (метатекста, паратекста), что значительно расширяет проблематику проводимых исследований эпиграфа, смещая

акцент с изучения структуры и семантики эпитафа в сторону изучения выполняемых им функций.

В настоящем исследовании эпитаф трактуется как паратекст, при этом под паратекстом понимается часть структуры произведения, характеризующаяся относительной структурно-содержательной завершенностью и полифункциональностью, которая проявляется в его способности выполнять в произведении ряд функций (межсубъектных, внутритекстовых и внетекстовых), выступая средством выражения художественной стратегии и авторского замысла писателя [2; 3; 8; 9; 11; 19; 20; 21; 23; 24].

2) Под *межсубъектными функциями* эпитафа в рамках проводимого исследования понимаются функции, реализуемые эпитафом в системе «автор произведения – эпитаф – читатель», а основными межсубъектными функциями признаются *фатическая* (направленная на установление и поддержание контакта с читателем), *конативная* (связанная со способностью эпитафа оказывать воздействие на читателя), *эмотивная* (ориентированная на раскрытие чувств и эмоций автора произведения) и *поэтическая* (соотносимая со способностью эпитафа отражать литературные предпочтения автора и привносить в произведение дополнительный эстетический заряд).

Фатическая и конативная функции эпитафа, основным назначением которых является привлечение внимания и программирование читательского восприятия, относятся к *функциям эпитафа, ориентированным на читателя*, а эмотивная и поэтическая функции, раскрывающие чувства, эмоции и отношение автора произведения к написанному, – к *функциям, ассоциируемым с автором произведения* [6; 10; 12; 18; 22].

3) *Внутритекстовые функции* эпитафа в настоящем исследовании включают функции, выполняемые эпитафом в системах «эпитаф – заглавие» и «эпитаф – корпус текста», представляющих собой единые функционально-семантические комплексы.

Основной функцией эпитафа по отношению к заглавию в белорусских и англоязычных коротких рассказах является *функция уточнения и пояснения*, а выделение ряда функций эпитафа по отношению к предваряемому им тексту произведения соотносится со способностью эпитафа *обозначать тему, получающую развитие в корпусе текста, формулировать основную идею произведения, вводить дополнительную сюжетную линию или акцентировать внимание на наиболее значимой сюжетной линии, создавать определенную тональность восприятия произведения, задавать ключевое слово или набор ключевых слов*.

Реализация эпитафом внутритекстовых функций основывается на способности эпитафа выступать носителем определенного рода информации как о заглавии, так и следующем за эпитафом тексте произведения, что позволяет

рассматривать обозначенные функции эпиграфа в качестве производных от более общей *информативной функции*, признаваемой ключевой внутритекстовой функцией эпиграфа в рамках проводимого исследования [4; 6; 7; 13; 16; 17].

4) *Внетекстовые функции* эпиграфа в исследуемых коротких рассказах соотносятся с выявлением функций эпиграфа в системе «эпиграф – источник цитирования эпиграфа», а главной функцией эпиграфа по отношению к тексту-источнику признается *интертекстуальная*, основное назначение которой заключается в осуществлении эпиграфом отсылки к исходному тексту.

В большей степени интертекстуальная функция реализуется метонимическими эпиграфами, подразумевающими обязательное обращение к тексту-источнику для их полного раскрытия и понимания в силу характерной для данного типа эпиграфов смысловой зависимости от текста, из которого происходит заимствование.

В рамках исследования интертекстуальной функции эпиграфа выделяются основные группы текстов-источников в белорусской и англоязычной малой прозе, включающие: 1) произведения художественной литературы (37%); 2) фольклорные источники (25,3%); 3) без отсылки к источнику эпиграфа (20,4%); 4) вымышленные и ложные источники (5,5%); 5) библейско-религиозные источники (4,4%); 6) не идентифицированные источники (4,3%); 7) другие источники (3,1%) [5; 14; 15; 25].

5) Каждая из обозначенных функций эпиграфа (фатическая, конативная, эмотивная, поэтическая, информативная, интертекстуальная) реализуется определенным набором средств выражения.

Средствами реализации *фатической и конативной функций* эпиграфа в белорусской и англоязычной малой прозе выступают разнообразные языковые средства и приемы, обозначающие момент установления контакта между автором произведения и читателем (вопросительные конструкции, формы обращения к читателю), выражающие характер устанавливаемых отношений между ними (личные и притяжательные местоимения), привлекающие и акцентирующие внимание читателя на эпиграфе (шрифтовое выделение, заглавные буквы, использование разноязычных эпиграфов), оказывающие воздействие на читателя (разные виды побудительных конструкций).

Наиболее частотными средствами выражения *эмотивной и поэтической функций* в белорусских и англоязычных коротких рассказах являются разноуровневые языковые средства, традиционно используемые для придания описанию особой выразительности и экспрессивности, к которым относятся: *эпитеты, эмоционально-экспрессивная и эмоционально-оценочная лексика* (на лексическом уровне); *аллитерация/ассонанс, ритмизация и рифмизация* (на фонологическом уровне); *параллелизм, восклицательные конструкции* (на синтаксическом уровне).

Основным эксплицитным средством репрезентации *информативной функции* в исследуемых коротких рассказах признаются *ключевые лексемы*, представляющие собой лексемы из эпиграфа, характеризующиеся высокой частотностью и сквозным употреблением в тексте произведения и играющие важную роль в экспликации смысла эпиграфа при взаимодействии с корпусом текста в силу присущей им способности в максимально компрессированном виде отражать смысловое ядро как эпиграфа, так и предваряемого им текста произведения. К имплицитным средствам реализации информативной функции относятся пресуппозиция и импликация, позволяющие за счет выстраивания многомерных логических и ассоциативно-образных соответствий компенсировать недостаточную информативность эпиграфа.

Формальным средством выражения *интертекстуальной функции* эпиграфа в короткой белорусской и англоязычной прозе выступает отсылочный аппарат или отсылка, при этом подавляющее большинство рассмотренных эпиграфов являются маркированными или характеризуются наличием отсылок (79,6%), представляющих собой преимущественно указание на автора или источник заимствования эпиграфа [1; 4; 13; 16].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении особенностей функционирования эпиграфа художественного текста, а также при написании учебных пособий и в процессе преподавания учебных и специальных дисциплин филологических специальностей высших учебных заведений.

Результаты настоящего исследования внедрены и используются в учебном процессе на кафедрах теории и практики английского языка и белорусской литературы Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК

1. Захарова, М. С. Языковое воплощение функциональных особенностей эпиграфа в коротком англоязычном рассказе / М. С. Захарова // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 6 (43). – С. 91–97.
2. Захарова, М. С. Диалогические особенности эпиграфа в коротком англоязычном рассказе / М. С. Захарова // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 1 (26). – С. 83–87.
3. Захарова, М. С. Структурно-семантические особенности эпиграфа в коротком англоязычном рассказе / М. С. Захарова // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 1 (44). – С. 84–90.
4. Захарова, М. С. Семантизация лексем из эпиграфа при рекуррентности в тексте произведения / М. С. Захарова // Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (70). – С. 19–23.
5. Захарова, М. С. Крыніцы паходжання эпіграфаў у беларускай прозе: на матэрыяле кароткага апавядання / М. С. Захарова // Роднае слова. – 2020. – №8. – С. 19–22.
6. Захарова, М. С. Функциональные характеристики эпиграфа в художественном тексте / М. С. Захарова // Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2020. – №1 (118). – С. 94–98.
7. Захарова, М. С. Эпиграф и заглавие в художественном тексте (на материале белорусской прозы) / М. С. Захарова // Известия Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки. – 2021. – №1 (124). – С. 86–90.
8. Захарова, М. С. Структурныя асаблівасці эпіграфа ў беларускай прозе (на матэрыяле жанру кароткага апавядання) / М. С. Захарова // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2021. – №1 (57). – С. 111–115.

Статьи в научных сборниках

9. Захарова, М. С. Эпиграф как отражение авторской концептуальной картины мира (на примере рассказа Р. Киплинга «За чертой») / М. С. Захарова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участн. IV Междунар. науч. конф., Челябинск, 25–26 апреля 2008 г. : в 2 т. / Челябинск. гос. ун-т ; редкол.: Л. А. Нефедова (отв. ред.) [и др.]. – Челябинск, 2008. – Т. 2. – С. 114–118.
10. Захарова, М. С. Формально-семантические, функциональные и диалогические особенности эпиграфа в художественном тексте / М. С. Захарова //

Лингвистический Вестник : сб. науч. тр. / Брянск. гос. ун-т им. ак. И. Г. Петровского. – Брянск, 2008. – Вып. 4. – С. 26–31.

11. Захарова, М. С. Эпиграф как компонент авторского диалога в художественном тексте / М. С. Захарова // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – Ч. 1. – С. 290–293.

12. Захарова, М. С. Функциональная классификация эпиграфа в художественном тексте / М. С. Захарова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2009. – Вып. 1. – С. 9–14.

13. Захарова, М. С. Роль лексем из эпиграфа в семантическом развертывании текста / М. С. Захарова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2010. – Вып. 2. – С. 107–113.

14. Захарова, М. С. Проблема интертекстуальности текста и подходы к ее решению / М. С. Захарова // Вопросы изучения современных языков и культур: лингвистика, журналистика, методика преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. / Санкт-Петербургск. гос. ун-т сервиса и экономики. – Спб., 2013. – Вып. 3. – С. 82 – 85.

15. Захарова, М. С. Функциональные аспекты интертекстуальности в художественном тексте / М. С. Захарова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2013. – Вып. 3. – С. 93–97.

16. Захарова, М. С. Языковые средства выражения семантических отношений в системе «эпиграф – текст» / М. С. Захарова // Вопросы германской и романской филологии. Ученые записки : сб. ст. / ЛГУ им. А. С. Пушкина. – СПб., 2016. – Вып. 7. – С. 45–49.

17. Захарова, М. С. Семантические отношения несогласия в системе «эпиграф–текст» / М. С. Захарова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2021. – Вып. 10. – С. 63–67.

18. Захарова, М. С. Авторские особенности употребления эпиграфов / М. С. Захарова // Спадчына І. Я. Навуменкі і актуальныя праблемы літаратуразнаўства : зб. навук. арт. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2022. – Вып. 4. – С. 72–76.

Материалы и тезисы докладов конференций

19. Захарова, М. С. Эпиграф в художественном тексте: лингвокультурологический аспект / М. С. Захарова // Взаимодействие и

взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 марта 2008 г. : в 2 ч. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: Т. В. Балуж (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2008. – Ч. 2. – С. 82–83.

20. Захарова, М. С. Эпиграф в контексте межкультурного взаимодействия / М. С. Захарова // Личность – Слово – Социум : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28–29 апреля 2008 г. : в 2 ч. / Ин-т современных знаний им. А. М. Широкого ; отв. ред. Т. А. Фалалеева. – Минск, 2008. – Ч. 2. – С. 15–16.

21. Захарова, М. С. Диалогическая типология эпиграфа в художественном тексте / М. С. Захарова // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 12–13 ноября 2008 г. / Мозырьск. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина ; редкол.: В. Н. Сергей (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. В. В. Валетова. – Мозырь, 2008. – С. 101–103.

22. Захарова, М. С. Структура и функции эпиграфа в коротком англоязычном рассказе / М. С. Захарова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы респ. науч. конф., Гомель, 23 октября 2009 г. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Л. С. Банникова (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 2009. – С. 63–66.

23. Захарова, М. С. Эпиграф как средство моделирования диалогических отношений в художественной коммуникации / М. С. Захарова // Язык – когниция – коммуникация : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 ноября 2010 г. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: З. А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 267–268.

24. Захарова, М. С. Эпиграф в аспекте диалогичности (на материале белорусской прозы) / М. С. Захарова // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў славянскіх літаратурах : матэрыялы VII Міжнар. навук. чытанняў, прасвеч. памяці нар. пісьм. Беларусі, ак. І. Я. Навуменкі, Гомель, 8–9 кастрычніка 2020 г. / Гомел. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: І. Ф. Штэйнер (гал. рэд.) [і інш.] – Гомель, 2020. – С. 36–38.

25. Захарова, М. С. Интертекстуальные характеристики эпиграфа художественного текста / М. С. Захарова // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нарадж. чл.-кар. НАН Беларусі, праф. А. А. Лойкі, Мінск, 28–29 кастрычніка 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Важнік (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Бельскі. – Мінск, 2021. – С. 345–348.

РЕЗЮМЕ

Захарова Марина Сергеевна

Полифункциональность эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах

Ключевые слова: эпиграф, паратекст, отсылочный аппарат/отсылка, текст-источник, функция эпиграфа, межсубъектные функции эпиграфа, внутритекстовые функции эпиграфа, внетекстовые функции эпиграфа, полифункциональность эпиграфа

Цель исследования: установить функции эпиграфа (паратекста) и способы их репрезентации в коротких рассказах белорусских и англоязычных писателей.

Методы исследования: описательный, структурный, сравнительно-сопоставительный, герменевтико-интерпретационный методы, метод интертекстуального анализа.

Полученные результаты и их новизна. В рамках изучения полифункциональности эпиграфа уточнено понятие эпиграфа как паратекста, выявлены функции эпиграфа и способы их реализации в коротких рассказах белорусских и англоязычных писателей. Разработана трехступенчатая схема анализа эпиграфа с учетом его полифункциональных признаков. Разграничены межсубъектные (соотносимые с автором произведения и читателем), внутритекстовые (связанные с характером отношений эпиграфа с заглавием и корпусом предваряемого им текста), внетекстовые (основанные на интертекстуальных свойствах и отражающие взаимодействие эпиграфа с источником цитирования) функции эпиграфа. Определена и классифицирована номенклатура средств репрезентации функциональных особенностей эпиграфа в белорусских и англоязычных коротких рассказах.

Рекомендации по использованию и область применения полученных результатов. Основные положения и выводы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении особенностей функционирования эпиграфа художественного текста, а также при написании учебных пособий, составлении текстов лекций, проведении семинарских и практических занятий по учебным дисциплинам филологических специальностей высших учебных заведений.

РЭЗІЮМЭ

Захарава Марына Сяргееўна

Поліфункцыянальнасць эпіграфа ў беларускіх і англамоўных кароткіх апавяданнях

Ключавыя словы: эпіграф, парататэкст, спасылачны апарат/спасылка, крыніца паходжання эпіграфа, функцыя эпіграфа, міжсуб’ектныя функцыі эпіграфа, тэкставыя функцыі эпіграфа, інтэртэкстуальныя функцыі эпіграфа, поліфункцыянальнасць эпіграфа

Мэта даследавання: вызначыць функцыі эпіграфа (паратэкста) і сродкі іх рэпрэзентацыі ў кароткіх апавяданнях беларускіх і англамоўных пісьменнікаў.

Метады даследавання: апісальны, структурны, параўнальна-супастаўляльны, герменеўтыка-інтэрпрэтацыйны метады, метады інтэртэкстуальнага аналізу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. У рамках вывучэння поліфункцыянальнасці эпіграфа ўдакладнена паняцце эпіграфа як паратэкста, выяўлены функцыі эпіграфа і спосабы іх рэалізацыі ў кароткіх апавяданнях беларускіх і англамоўных пісьменнікаў. Распрацавана трохступенчатая схема аналізу эпіграфа з улікам яго поліфункцыянальных прыкмет. Размежаваны міжсуб’ектныя (суадносныя з аўтарам твора і чытачом), тэкставыя (звязаныя з характарам адносін эпіграфа з загалоўкам і корпусам тэксту), інтэртэкстуальныя (якія адлюстроўваюць адносіны паміж эпіграфам і крыніцай цытавання) функцыі эпіграфа. Вызначана і класіфікавана наменклатура сродкаў рэпрэзентацыі функцыянальных асаблівасцей эпіграфа ў беларускіх і англамоўных кароткіх апавяданнях.

Рэкамендацыі па выкарыстанні і галіна прымянення атрыманых вынікаў. Асноўныя палажэнні і высновы дысертацыі могуць быць выкарыстаны ў далейшым вывучэнні асаблівасцей функцыянавання эпіграфа мастацкага тэксту, а таксама пры напісанні навучальных дапаможнікаў, распрацоўцы тэкстаў лекцый, правядзенні семінарскіх і практычных заняткаў па вучэбных дысцыплінах філалагічных спецыяльнасцей вышэйшых навучальных устаноў.

SUMMARY

Zakharova Maryna

The Multifunctionality of the Epigraph in Belarusian and English-language Short Stories

Key words: epigraph, paratext, reference, source/original text, function, intersubjective functions, textual functions, intertextual functions, multifunctionality

The aim of the research is to identify the functions of the literary epigraph (paratext) and the means of their representation in Belarusian and English-language short stories.

The methods of the research: descriptive, structural, comparative, hermeneutic-interpretive methods, the method of intertextual analysis.

The results obtained and their novelty. Studying the multifunctionality of the epigraph the concept of the epigraph as a paratext has been clarified, the functions of the epigraph and the means of their representation in Belarusian and English-language short stories have been identified. A three-level analysis scheme based on the multifunctional features of the epigraph has been developed. Intersubjective (correlated with the author and the reader), textual (associated with the interaction of the epigraph with the title and the text), intertextual (related to the interaction of the epigraph with the original text) functions of the epigraph have been found out. The means of representing the functional features of the epigraph in Belarusian and English-language short stories have been defined and classified.

Recommendations for the use and sphere of application of the results obtained. The results obtained can find application in further study of the functional characteristics of the literary epigraph, as well as in writing textbooks, compiling lecture texts, conducting seminars and practical classes in the academic disciplines of the philological specialities of higher educational institutions.

